

ГОСТИНАЯ

“Вечерки”

Доктор философских наук Артур Игоревич АРТЕМЬЕВ - один из видных на постсоветском пространстве ученых-религиоведов. Сегодня профессор А.И. Артемьев наш гость.

- Уважаемый Артур Игоревич, вы успешно прошли многие ступени общественно-политической карьеры. И вдруг однажды занялись религиозной сферой.

- История такова. В 1963 году, кстати, тогда мне было всего лишь 27 лет, я был переведен, совершенно неожиданно для себя, из ЦК комсомола в от-

орать: “Вы что? Против линии партии? Мы боремся с религией, а вы к чему нас призываете? К попустительству!” Тут же доложили Д.А. Кунаеву. Только я вернулся в Алма-Ату, вызывают: “Что ты там наговорил?” Встал вопрос убрать меня из ЦК. Но секретарь ЦК по идеологии Саттар Имашев, который всегда ко мне по-доб-

логией, разрабатывают культовую практику. А религиоведение изучает со светских позиций все уже сложившиеся или еще только складывающиеся религии. Включая, разумеется, и богословие (теологию). Конечно, и среди богословов есть религиоведы, но их подход, как правило, односторонний, конфессиональный. Впрочем, не всегда. Философ Владимир Соловьев, к примеру, в своих трудах по идеологии и культовой практике православия выступает богословом. Но он же исследовал и феномен веры

- Всего у меня 9 отдельных изданий. Книга “Свидетели Иеговы Казахстана и Средней Азии” - вообще первая на эту тему. При моем участии создан коллективный труд “Религии в Казахстане” в двух томах. Это уникальная хрестоматия: аналог издан только в США. Здесь представлены фрагменты из работ религиозных деятелей и авторские статьи составителей. Но не все мои книги посвящены религиоведению. Например, “Социология личности” - первое на всем постсоветском пространстве учебное пособие на эту тему. Оно вышло и в казахском переводе. Было переиздано в Москве.

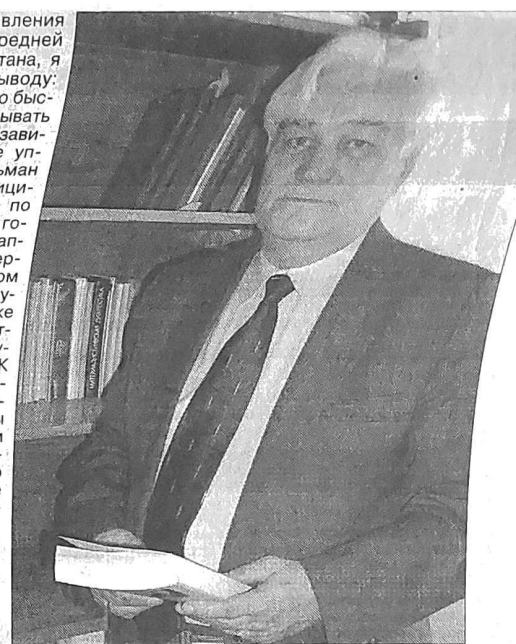
- Каково вам было отказаться от официально обещенных идеологических ориентиров после всех катаклизмов, которые пережило наше общество? Трудно даже представить.

- А вы не утруждаете себя. Я ни от чего не отказывался и не отказываюсь. Душу свою не менял и не меняю. Марксизм - одно из великих учений, и не только в экономическом плане. Карл Маркс, кстати, не призывает к

чтобы вывели их на “свет Божий”, объяснял преимущества их юридической регистрации, убеждал в необходимости установления цивилизованных отношений с государством. Священнослужители не видели во мне противника, потому что я и не был им никогда. Конечно, мы все были связаны идеологическими путями, но даже и в те времена можно было по-разному строить отношения. И до конфронтации доходить, гонения устраивать, администрировать. Рычаги для этого были, и очень сильные. Но я как представитель власти считал, что главное - наладить нормальные человеческие отношения, и искренне отстаивал их интересы.

Потому-то у меня и прежде, и теперь немало друзей среди религиозных деятелей. Хотя я никогда не скрывал, что я по своим убеждениям человек светский. Мы поддерживаем контакты, встречаемся, переписываемся. Я лично знаком почти со всеми главами мусульманских общин мира. Был приглашен на Всемирную мусульманскую конференцию в Баку. У меня дружеские отношения с Магомедом Хусейн-кажи

ховного управления мусульман Средней Азии и Казахстана, я пришел к выводу: нужно как можно быстрее организовывать собственное, независимое Духовное управление мусульман Казахстана. Официальная записка по данному вопросу готовилась в нашем аппарате. Когда впервые зашла об этом речь, то даже наш будущий (теперь уже бывший) муфтий Ратбек-кажи Нысанбайулы испугался. И в ЦК КПСС эту идею сначала восприняли с прохладцей. Я дважды ездил в Москву, и нам удалось доказать необходимость этого шага. Если бы он не был сделан, мы сего-

Вера требует уважения

дел пропаганды и агитации ЦК Компартии Казахстана на должность инструктора. Было это в 1963 году. Мне поручили два участка - Институт истории партии во главе с академиком Серикбаем Бейсенбаевым (полагали, видимо, что партии с дипломом историко-филологического факультета КазПИ имени Абая вполне может курировать и академиков!). Второй участок - атеистическое воспитание. Начал я с того, что пригласил в ЦК всех знающих специалистов, и мы создали совет, куда вошли, в частности, Ефим Шехтерман, Катыршат Шулембаев, Валерий Яковлев, Ораз Сегизбаев и другие ученые и практики, которым были безразличны проблемы гонимых тогда верующих. Наша дружная когорта пыталась пресекать ярые выпады ортодоксальных идеологов против церкви.

И пришлось мне основательно изучать и атеизм, и религии. Первую свою кандидатскую диссертацию я написал о Русской православной церкви (РПЦ). С третьего захода, но по моей причине, защитил диссертацию. Называлась она: “Системно-комплексный подход к атеистическому воспитанию”. Такой подход прямо предусматривал исключительное лояльное отношение к верующим. И вскоре мне за это досталось. На одном из совещаний в Москве в присутствии замглавы идеологическим отделом ЦК КПСС П. Лучинского, ставшего впоследствии по иронии судьбы первым президентом независимой Молдовы, я выступил с предложением изменить методы работы с верующими. Лучинский начал буквально

рому относился, меня защитил. Вступился и завсектором ЦК КПСС Виктор Поленичко, позже погибший в Нагорном Карабахе. На упомянутом совещании он точно сказал: “Религиозные деятели к каждому верующему подходят в мягких тапочках, а мы в кирзовых сапожках пытаемся им в душу влезть!” Поленичко пользовался авторитетом у Кунаева и Имашева, позвонил им: “Артемьев правильно выступил. Поднял проблему”. Тем не менее на этом мое служебное продвижение было закончено. Никому ни слова не говоря, я защитил диссертацию в Москве. Стал кандидатом философских наук. Ведь религиоведение - наука философская.

- Философию (это слово в переводе, как всем известно, означает “любовь к мудрости”) называют квинтэссенцией духовности. Не признание ли это религиозного начала в философии?

- Духовность можно толковать двояко. С точки зрения верующих, это нечто Богом данное. А для светских людей духовность есть высший идеал образованности, интеллектуализма, нравственности. Связывая эти качества непременно с религиозностью в корне ошибочно. Никакой монополии религии здесь быть не может. Иной человек, уверяющий, что он верующий, на самом деле может быть совершенно бездуховным. А другой человек может быть высоконравственным, но не верующим.

- А в чем разница между религиоведением и богословием?

- Богословие занимается конкретным вероучением, религиозной идео-

вообщее, изучал ислам, написал блестящую книгу о Мухаммеде. Здесь он уже религиовед.

- Иногда говорят, имея в виду не философию религии, а философию вообще, что у нас докторов философских наук много, а философов нет.

- Это другой разговор. Я никогда не скажу о себе, что я философ. Философы - это Аристотель, Платон, другие светила, создавшие целые школы, направления со своими учениками и последователями. Я не могу заявить, что есть “школа Артемьева”. Мы все доктора философских наук. Но мы по праву гордимся тем, что в свое время наша казахстанская - единая - религиоведческая школа была третьей, после московской и ленинградской, по своей научной значимости и авторитетности, по организации крупнейших конференций. Однако именитой школы у нас никогда не было. И пока нет.

- А как вы думаете, есть ли в Казахстане философы в подлинном, аристотелевском, платоновском звучании?

- Увы. Даже те, кто мог бы претендовать на это звание, ушли в политику. И тем самым “похоронили” себя как философов, ибо такой переход неминуемо ведет к творческому бессилию. Нельзя одновременно сидеть на двух стульях. Философ и политик - это “две вещи несовместные”.

- Артур Игоревич, а есть ли у вас помимо фундаментального труда “Религиоведение” научные издания, адресованные широкому кругу читателей?

борьбе с религией, считая, что по мере развития социализма она сама будет отмирать. Это Ленин привнес эту идею в политику и общественную практику.

- То есть вы были и остаетесь абсолютным атеистом.

- Согласен, что атеистом. Но у нас как-то принято к слову “атеист” приешивать какой-нибудь ярлык. “Воинствующий”, например. Я не был ни воинствующим атеистом, ни вульгарным. Когда уже в постсоветский период я защищал докторскую диссертацию на тему “Формирование личности в обновляющейся религиозной и секуляризованной среде”...

- Поясните, пожалуйста, секуляризованная - это...

- Это значит освобожденной от церковного влияния. Одна дама, которая в свое время защищалась, заметьте, по научному коммунизму (!), пыталась меня обвинить в том, что я атеист. Ее выпад прекрасно парировал профессор Шулембаев: “Все мы вышли из “шинели” атеизма, но мы, ученые, отличаемся тем, что никогда не боролись против верующих, мы всегда боролись за них”. Я по сию пору благодарен за эту отповедь. Ибо ни разу не выступил против верующих. Только - за. За веротерпимость. Это мое кредо.

Много лет я работал в Совете по делам религий при Совете Министров СССР по Казахской ССР. Исполнял и обязанности уполномоченного. И всегда старался создавать условия для нормальной деятельности конфессий. Встречался и с теми, кто был в подполье в буквальном смысле этого слова,

Алсабековым, ректором нашего Исламского университета, заместителем главного муфтия Казахстана. И с Музафаром, главой мусульманской ахмадийской общины в Алматы. Я побывал в Лондоне на съезде этого всемирного движения и в Пакистане, в их святом городе Рабве, и даже читал лекцию в тамошнем университете. Работал в библиотеке всемирного центра Бахаи в Хаифе, в Израиле, общался с крупнейшими теологами. Пожил в центре Свидетелей Иеговы, объединяющем их единоверцев в странах СНГ. Это в городке Солнечный, под Петербургом. Такие же отношения у меня и с лютеранами, и с православными священниками - архиепископами Евсевием и Алексием, с настоятелем Свято-Никольского собора в Алматы отцом Валерием. В Троице-Сергиевой лавре я встречался со многими высшими иерархами РПЦ. Дружу и с адвентистами седьмого дня. Недавно в Алматы приезжали бывшие руководители этой церкви в Казахстане - Илья Иванович Вельгоша и Ростислав Николаевич Волкославский, который подарил мне Библейский атлас, а я ему свое “Религиоведение”. Многие священнослужители бывали у меня дома, мы беседовали за чашкой чая. Разумеется, служебные контакты далеко не всегда переходят в личные. Но в моем случае было именно так.

Кстати, может быть, вам будет интересно узнать, что идея создания Духовного управления мусульман Казахстана родилась в моем кабинете заместителя уполномоченного совета по делам религий. Побывав в Ташкенте, в Исламском университете, поговорив с руководством тогдашнего Ду-

хана, как мне думается, могли бы получить те негативные явления, что так расцветают в Узбекистане. Идею дали خود. Тем самым был создан прецедент для всего СССР, но мы оказались в этом вопросе “единственными и неповторимыми”.

- А над чем вы сейчас работаете?

- Полезно время от времени менять круг интересов. Сейчас меня занимают вопросы политики и политологии. Выступаю на международных конференциях и симпозиумах по проблемам мира и толерантности как средству сохранения мира.

- Принятый парламентом новый Закон о свободе совести и религиозных объединениях был возвращен Президентом РК на доработку. Не без ваших ли усилий, Артур Игоревич?

- Здесь всем пришлось потрудиться. Сам я выступил с тремя статьями. Кое-что все время склонен забывать, что Казахстан в своей Конституции утвердил себя светским государством. Другие смешивают государство светское и атеистическое. Атеистическое государство уже по определению является в какой-то степени полицейским государством. Наша страна должна оставаться светской, гарантирующей свободу совести и веротерпимость.

В Англии на каждом шагу церковь, мечеть, синагога, кирха и т.д. И все британцы совершенно лояльно к этому относятся. Я сам видел, как в центре Лондона в час намаза мусульмане молятся, расстелив коврик. И никто не глазеет, не гогочет, не отпускает реплик. Молятся люди и молятся - это

их частное дело. Но в случае совершения деяний экстремистского характера там незамедлительно применяются соответствующие нормы права.

И то что упомянутый закон не был подписан нашим Президентом, огромное достижение. В стране, где кроме казахского народа проживают представители более ста национальностей, где на данный момент свободно действуют 46 конфессий, деноминаций и миссий, нельзя ставить в привилегированное положение две, три или даже четыре религии в ущерб остальным. Это дискриминация. У всех верующих должны быть равные возможности исповедовать свою веру, если их действия не наносят вреда личности, не подрывают основы конституционного строя. А у нас порой пытаются бросить тень на ту или иную религию только потому, что в числе ее приверженцев есть экстремисты. Но не говорим же мы, что все вокруг жулики, если поймать каких-то воров.

- Каким вам видится дальнейшая судьба отклоненного закона?

- Сейчас идет борьба за раздел религиозного поля. Кто-то жаждет получить некие дивиденды, не думая о том, как это может отозваться потом на нем самом. Я считаю, что принимать какие-либо законы в этой сфере сейчас вообще не нужно. А если и необходимо, то только закон об обеспечении свободы совести. В развитие нашей конституционной нормы.

С гостем “Вечерки” беседовал Сергей ИСАЕВ.